
ПРЕДИСЛОВИЕ

Художник — тот, кто создает прекрасное. Раскрыть людям себя и скрыть художника — вот к чему стремится искусство.

Критик — это тот, кто способен в новой форме или новыми средствами передать свое впечатление от прекрасного.

Высшая, как и низшая, форма критики — один из видов автобиографии.

Те, кто в прекрасном находит дурное, — люди испорченные, и притом испорченность не делает их привлекательными. Это большой грех.

Те, кто способен узреть в прекрасном его высокий смысл, — люди культурные. Они не безнадежны.

Но избранник — тот, кто в прекрасном видит лишь одно: Красоту.

Нет книг нравственных или безнравственных. Есть книги хорошо написанные или написанные плохо. Вот и все.

Ненависть девятнадцатого века к Реализму — это ярость Калибана, увидевшего себя в зеркале.

Ненависть девятнадцатого века к Романтизму — это ярость Калибана, не находящего в зеркале своего отражения.

Для художника нравственная жизнь человека — лишь одна из тем его творчества. Этика же искусства — в совершенном применении несовершенных средств.

Художник не стремится что-то доказывать. Доказать можно даже неоспоримые истины.

Художник не моралист. Подобная склонность художника рождает непростительную манерность стиля.

Не приписывайте художнику нездоровых тенденций: ему дозволено изображать все.

Мысль и Слово для художника — средства Искусства.

Порок и Добродетель — материал для его творчества.

Если говорить о форме — прообразом всех искусств является искусство музыканта. Если говорить о чувстве — искусство актера.

Во всяком искусстве есть то, что лежит на поверхности, и символ.

Кто пытается проникнуть глубже поверхности, тот идет на риск.

И кто раскрывает символ, идет на риск.

В сущности, Искусство — зеркало, отражающее того, кто в него смотрится, а вовсе не жизнь.

Если произведение искусства вызывает споры — значит, в нем есть нечто новое, сложное и значительное.

Пусть критики расходятся во мнениях — художник остается верен себе.

Можно простить человеку, который делает нечто полезное, если только он этим не восторгается. Тому же, кто создает бесполезное, единственным оправданием служит лишь страстная любовь к своему творению.

Всякое искусство совершенно бесполезно.

Оскар Уайльд

ПРЕДИСЛОВИЕ ХУДОЖНИКА

Здравствуйте, меня зовут Аквартис. Я — художник-иллюстратор издания, которое вы держите в руках. И я хотела бы рассказать о своей любви к этой истории, чтобы вы, возможно, увидели книгу моими глазами.

Впервые я прочитала «Портрет Дориана Грея» в средней школе. Помню, тогда ехала в поезде и, отложив роман, смотрела в раскачивающийся потолок и много думала. О божественно прекрасном юноше, порочном лорде, чистосердечном художнике и магическом портрете, который стареет вместо своего хозяина. Я была в восторге от ярких образов, загадок и красоты, которая чувствуется даже в завязке. Тогда для меня это была история о культе молодости, моральном разложении и пороках. Смешно вспомнить: я начала рисовать мультяшный комикс с этими персонажами, настолько они запали мне в душу. Тогда я и представить не могла, что годы спустя мне напишет редактор с предложением проиллюстрировать эту мировую классику. Тринадцатилетняя версия меня чуть не взорвалась от восторга, а нынешняя не могла поверить своему счастью. У меня наконец появился шанс выразить всю мою любовь.

Я могу назвать себя эстетом: красота много значит для меня — поэтому я и стала художником. В романе же красота

Дориана — сюжетообразующий элемент и почти магия, которой Грея одарила природа. Она отражает чистоту его души в начале истории и скрывает уродство в конце, она притягивает к нему людей. Это ли не волшебство? В магическом реализме произведения я видела много загадок, но была еще не способна их понять. Вероятно, поэтому мысленно я возвращалась к этой книге годами. Уже тогда я чувствовала, что все здесь не то, чем кажется. И убедилась в этом еще больше, когда изучила полнее творчество Уайльда. Много слоев накладываются друг на друга, символизм прячется в цветах, фразах, параллелях, отсылках к мифам и литературе. Смыслы множатся, как в калейдоскопе, а глубоко-глубоко прячется что-то особенное. Это меня и заворожило.

Но когда я начала перечитывать, то увидела, что произведение куда глубже и прекраснее, чем мне показалось при первом знакомстве.

Я отдала этому проекту больше полугода своей жизни. При подготовке в голове всплывали все те картины, в которые я была влюблена еще со школьных лет. Пересматривала экранизации, искала работы других иллюстраторов. Но, конечно, хотелось создать нечто совершенно уникальное. Мы с редактором разработали концепцию, которая, я надеюсь, влюбит в себя и вас.

Отличительной чертой стала «фотографичность» иллюстраций. Шумы, абберация, словно выцветшие под солнцем цвета, игра с размытием и фокусом, нестандартное кадрирование, будто это случайно сделанный снимок. Хотелось приблизить читателя к персонажам, сделать свидетелем событий. Сюжет «Портрета» разворачивается в 1890-х годах — как раз тогда активно начинает распространяться фотография. Эф-

---

фект старых фото идеально работает на атмосферу книги. Ведь, если задуматься, в те годы, когда «жил» Дориан Грей, уже был изобретен дизельный двигатель, начал развиваться кинематограф и всюду ходили трансатлантические лайнеры. Дориан не так далек от нас, как может показаться. Стиль иллюстраций балансирует между фотографичной реалистичностью и классической живописью, как и сама эпоха.

Я старалась передать общий дух произведения, создать атмосферу аристократичности и декаданса. Какой-то болезненной красоты. Читатель будет сопровождать персонажей на званных ужинах в высшем свете, а потом спускаться в притоны. Эта двойственность блеска и мрака стала основой визуального кода, позволила сделать визуал зрелым, а порой даже пугающим.

Теперь хочу рассказать об изнанке самого проекта. Начну с того, что Уайльд был горячим приверженцем эстетизма, поэтому тут нельзя было обойтись без символов. В них спрятана особая притягательность недосказанности. Он писал роман-притчу, который задумывался как что-то изящное и по-декадентски прекрасное. Пир Гелиогабала, фарфоровая статуэтка Ганимеда в мире литературы. В знаменитом предисловии автор пишет: «Во всяком искусстве есть то, что лежит на поверхности, и символ... И кто раскрывает символ — идет на риск». Для Уайльда красота многомерна и символизмкратно ее умножает. Я попробовала рискнуть.

Уайльд сделал Бога и Дьявола старыми друзьями. Здесь нет ненависти — есть усталость прожитых лет. Бог создает свое лучшее творение и просит Дьявола не трогать его. Но как только творение обретает плоть и кровь, Змей исподтишка предлагает плод познания, который человеческая душа принимает. Грехопадение совершено.

Райский сад здесь представлен сиреневым садом художника, где сирень символизирует первую, чистую, целомудренную любовь: никого Бог так трепетно и болезненно не любит, как человеческую душу. В этом саду лорд Генри срывает маргаритку — метафору наивности, которую отбирает у Дориана.

Дальше перед нами разворачивается история падения души на протяжении всей человеческой истории: душа черствеет, поддается одному соблазну за другим; создает ложных идолов и в них же разочаровывается; меняет религии и веры; убивает самого Бога. А в конце совершает самый страшный грех. Единственный, после которого уже невозможно раскаяться.

Есть несколько путей для осмысления истории: это не только рассказ о трех друзьях и мистике, это еще и притча о борьбе за человеческую душу. Сколько прекрасных аллегорий вплетено в повествование! Вишни от извозчика в белом балахоне, букет тюльпанов у лорда Генри, ирисы на его же столе, очередность закатов и рассветов. А еще книга в книге, значившая для Дориана не меньше, чем для самого Уайльда.

Во время работы с романом обрез моей книги стал похож на бахрому от обилия закладок, а половина полей почернела от заметок; я старалась добавить этой многослойности в иллюстрации. Вы увидите игру отражений, символику цветов, в образе лорда Генри узнаете демона-искусителя. И самое главное — чем мрачнее будет становиться история, тем темнее будут иллюстрации.

Стоит поделиться интересными моментами. Например, на иллюстрации с театральной ложей вы можете заметить, что лорд Генри сидит по левую сторону от Грея, а Бэзил — по правую, а во взгляде самого Дориана узнаете «Падшего ангела» Александра Кабанеля. Много интересных деталей есть и в портрете Сибиллы Вэйн. Здесь она представлена в роли

Джувьетты: именно Джувьеттой ее впервые видит Дориан на сцене. Сам портрет отсылает к реальным фотографиям актрис на рубеже XIX—XX веков. В её волосах белая вербена — символ любви и верности, а пробирается к ней по балкону выюнок — цветок обольстителей и переменчивых чувств.

Одна из моих любимых иллюстраций в этом проекте — портрет Дориана в образе Нарцисса. «Вы склонялись над озером в одной из рощ Греции, любуясь чудом своей красоты в недвижном серебре его тихих вод», — говорит Грею художник. Иногда читатели упускают, но знаковый портрет был не единственным портретом Дориана, вышедшим из-под кисти Бэзила. Он писал своего друга раз за разом, изображая героем мифов и легенд. Но именно образ самолюбивого Нарцисса наиболее символичен. Я постаралась передать здесь момент осознания собственной красоты — мгновенье, которое станет началом конца. Нарциссы на форзаце — тоже не случайность.

Еще одна важная иллюстрация — это книга. Свечу на подоконнике задули, будто герой только что закончил чтение перед рассветом. Сцену наполняют ирисы — цветы, отсылающие к лорду Генри. Дизайн обложки стал важной частью работы. Мне хотелось передать в орнаментах ощущение ядовитости: словно текст способен отравить шипами на переплете. Но в то же время книга должна быть чарующей, как музыка, — так в орнаменте появился мотив арфы, а обложка — колдовской, будто несет в себе запретное тайное знание.

Почему же эта книга так важна? Долгие годы Грей живет под властью таинственного текста, заказывает девять экземпляров в роскошных переплетах, перечитывает роман раз за разом. Его жизнь делится на до и после. Дориан пытается повторить путь главного героя, узнает в нем себя. Произведение кажется Грею историей собственной жизни. Что же это

за неназванная книга? К счастью, за нас уже все разгадали. Речь идет о романе «Наоборот» Жориса Карла Гюисманса — его дарит Грею лорд Генри в десятой главе. Этот подарок меняет жизнь юноши навсегда.

«Наоборот» — это библия декаданса. Реальное произведение, вышедшее за шесть лет до первой публикации «Портрета Дориана Грея». Оно повествует о французе Дез Эссенте, изолировавшем себя от общества, чтобы «сгнить» в окружении произведений искусства. Мы читаем о сортах цветов, шелка, о латыни и античных писателях; читаем воспоминания, извращенные фантазии и размышления о религии. В романе нет сюжета — мы плаваем внутри сознания героя. В шестнадцати главах наблюдаем за тем, как разлагается личность. Я начала читать этот роман, потому что хотела понять Дориана изнутри: какую книгу он сам написал бы о себе? Как выглядит душа, скрытая от нас портретом? Что Дориан, что Дез Эссент — жертвы собственной пустоты и морального разложения. Именно такого персонажа выбирает Грей себе в кумиры.

И затем мы переходим к середине «Портрета Дориана Грея», одиннадцатой главе — сердцу не только романа, но и самого героя.

Обсуждая «Портрет» с друзьями и знакомыми, я часто слышала мнение, что эта глава самая скучная и самая пустая. Иронично, не правда ли? А ведь в чем-то они правы. В душе Грея действительно пусто. Здесь Уайльд описывает, чем живет Дориан долгие годы: он упивается роскошью, коллекционирует драгоценности, парфюмы, музыкальные инструменты и дорогие ткани. В поисках новых ощущений Грей погружается в философии и религии, но во всем разочаровывается. Заполняя свое поместье вещами, он не находит главного... Пустая эстетика захватывает его дом и душу.

Дориан действительно идет по пути своего ложного идола. Эта глава о том, как одержимость красотой, романтизацией, внешними атрибутами в конечном итоге побеждает содержание. И все же глава не так скучна, как может показаться. Позволю себе побыть чуточку наглой и дать совет: если хочется понять Грея изнутри, читайте одиннадцатую главу при свечах, сбрызнув подушку самым тяжелым парфюмом. Читать лучше медленно, пока слова не приобретут вкус червонного золота, гобеленов, изумрудных серег и костюмов, вышитых жемчугом. Этот текст способен задушить, как дым от резной бахурницы. Он должен заморозить вас своей пустой красотой, так же как Грея замораживают безжизненные переливы камней. Здесь Уайльд имитирует манеру Гюисманса. Происходит литературная рекурсия: автор в собственном романе пишет, как Грей повторяет жизнь героя другого романа и сам становится подобием своего кумира.

Писатель намеренно делает главу самой длинной и, казалось бы, самой бессодержательной. В этом и есть смысл: за витиеватым, напыщенным, почти вводящим в транс языком просвечивает вся болезненная безнадежность разлагающейся заживо души.

К сердцу романа я нарисовала разворот. Дориан, лежащий на золотой парче, подобно дракону, охраняющему свои богатства. Вот только он сам стал драгоценностью в собственной коллекции — прекрасной и столь же холодной. В которой нет ничего, кроме красоты. Жемчуг и золото словно поглощают своего хозяина. И вот уже неясно, кто кем на самом деле обладает.

Также в издании вы найдете два портрета лорда Генри, изображенного в окружении цветов. В течение всего повествования Генри раскрывается как демон-искуситель. Он склоняет

Дориана на темный путь, внушает ложные идеалы, предлагает искушения и превращает чистосердечного юношу в настоящего циника. Еще в самом начале повествования он символически дает Грею плод познания — указывает на его нечеловеческую красоту. С этого начинается грехопадение.

В обеих иллюстрациях с лордом Генри я стремилась передать его демоническую натуру. Первый раз вы увидите его в саду художника, где он срывает маргаритку; здесь он проступает из ветвей сирени, подобно Змею. Я вдохновлялась одной из самых завораживающих картин Врубеля — «Сирень». В шестой главе Дориан смотрит на Генри сквозь пышный букет ирисов — символ мудрости, почтения, благоговения и королевского могущества. Уайльд метафорически указывает, какую власть имеет Гарри над Дорианом. А за стеклом бокала проступает что-то дьявольское. Эта иллюстрация рифмуется с предпоследней в книге — где также в стекле прячется истинная сущность падшего Дориана и пророчество о его судьбе.

Расскажу и о главном герое. Я постаралась показать самого каноничного Грея — именно таким, каким его описывал Уайльд. Возможно ли изобразить такого Дориана, чтобы читатель понял, почему художник Бэзил его настолько боготворил, что боялся, а Джеймс Вейн так и не нажал на курок? Красоту столь ангельскую, что разрушительной сущности за ней вплотную не увидеть? Как художник я попыталась. А вот удалось или нет — судить вам.

Надеюсь, это издание станет для вас не только приятным чтением, но и эстетически приятным опытом, и вы на мгновение перенесетесь в декадентскую Англию рубежа XIX—XX веков.

Приятного чтения!

Густой аромат роз наполнял мастерскую художника, а когда в саду поднимался летний ветерок, он, влетая в открытую дверь, приносил с собой то пьянящий запах сирени, то нежное благоухание алых цветов боярышника.

С покрытого персидскими чепраками дивана, на котором лежал лорд Генри Уоттон, куря, как всегда, одну за другой бесчисленные папиросы, был виден только куст раkitника, — его золотые и душистые, как мед, цветы жарко пылали на солнце, а трепещущие ветви, казалось, едва выдерживали тяжесть этого сверкающего великолепия; по временам на длинных шелковых занавесях громадного окна мелькали причудливые тени пролетающих мимо птиц, создавая на миг подобие японских рисунков, — и тогда лорд Генри думал о желтолицых художниках далекого Токио, стремившихся передать движение и порыв средствами искусства, по природе своей статичного. Сердитое жужжание пчел, пробиравшихся

в нескошенной высокой траве или однообразно и настойчиво круживших над осыпанной золотой пылью кудрявой жимолостью, казалось, делало тишину еще более гнетущей. Глухой шум Лондона доносился сюда как гудение далекого органа.

Посреди комнаты стоял на мольберте портрет молодого человека необыкновенной красоты, а перед мольбертом, немного поодаль, сидел и художник, тот самый Бэзил Холлуорд, чье внезапное исчезновение несколько лет назад так взволновало лондонское общество и вызвало столько самых фантастических предположений.

Художник смотрел на прекрасного юношу, с таким искусством отображенного им на портрете, и довольная улыбка не сходила с его лица. Но вдруг он вскочил и, закрыв глаза, прижал пальцы к векам, словно желая удержать в памяти какой-то удивительный сон и боясь проснуться.

— Это лучшая твоя работа, Бэзил, лучшее из всего того, что тобой написано, — лениво промолвил лорд Генри. — Непременно надо в будущем году послать ее на выставку в Гровенор. В Академию не стоит: Академия слишком обширна и общедоступна. Когда ни придешь, встречаешь там столько людей, что не видишь картин, или столько картин, что не удастся людей посмотреть. Первое очень неприятно, второе еще хуже. Нет, единственное подходящее место — это Гровенор.

— А я вообще не собираюсь выставлять этот портрет, — отозвался художник, откинув голову по своей характерной привычке, над которой, бывало, трунили его товарищи в Оксфордском университете. — Нет, никуда я его не пошлю.

Удивленно подняв брови, лорд Генри посмотрел на Бэзила сквозь голубой дым, причудливыми кольцами поднимавшийся от его пропитанной опиумом папиросы.

— Никуда не пошлешь? Это почему же? По какой такой причине, мой милый? Чудаки, право, эти художники! Из кожи лезут, чтобы добиться известности, а когда слава приходит, они как будто тяготятся ею. Как это глупо! Если неприятно, когда о тебе много говорят, то еще хуже — когда о тебе совсем не говорят. Этот портрет вознес бы тебя, Бэзил, много выше всех молодых художников Англии, а старым внушил бы сильную зависть, если старики вообще еще способны испытывать какие-либо чувства.

— Знаю, ты будешь надо мною смеяться, — возразил художник, — но я, право, не могу выставить напоказ этот портрет... Я вложил в него слишком много самого себя.

Лорд Генри расхохотался, поудобнее устраиваясь на диване.

— Ну вот, я так и знал, что тебе это покажется смешным. Тем не менее это истинная правда.

— Слишком много самого себя? Ей-богу, Бэзил, я не подозревал в тебе такого самомнения. Не вижу ни малейшего сходства между тобой, мой черноволосый суроволицый друг, и этим юным Адонисом, словно созданным из слоновой кости и розовых лепестков. Пойми, Бэзил, он — Нарцисс, а ты... Ну конечно, лицо у тебя одухотворенное, и все такое. Но красота, подлинная красота, исчезает там, где появляется одухотворенность. Высокоразвитый интеллект уже сам по себе некоторая аномалия, он нарушает гармонию лица. Как только человек начнет мыслить, у него непропорционально вытягивается нос, или увеличивается лоб, или что-нибудь другое портит его лицо. Посмотри на выдающихся деятелей любой ученой профессии — как они уродливы! Исключения составляют, конечно, наши духовные пастыри, — но эти ведь не утруждают своих мозгов. Епископ в восемьдесят лет продолжает твердить то, что ему внушали, когда он был во-

---

семнадцатилетним юнцом, — естественно, что лицо его сохраняет красоту и благообразие. Судя по портрету, твой таинственный молодой приятель, чье имя ты упорно не хочешь назвать, очарователен, — значит, он никогда ни о чем не думает. Я в этом совершенно убежден. Наверное, он — безмозглое и прелестное божье создание, которое нам следовало бы всегда иметь перед собой: зимой, когда нет цветов, — чтобы радовать глаза, а летом — чтобы освежать разгоряченный мозг. Нет, Бэзил, не лести себе: ты ничуть на него не похож.

— Ты меня не понял, Гарри, — сказал художник. — Разумеется, между мною и этим мальчиком нет никакого сходства. Я это отлично знаю. Да я бы и не хотел быть таким, как он. Ты пожимаешь плечами, не веришь? А между тем я говорю вполне искренне. В судьбе людей, физически или духовно совершенных, есть что-то роковое — точно такой же рок на протяжении всей истории как будто направлял неверные шаги королей. Гораздо безопаснее ничем не отличаться от других. В этом мире всегда остаются в барыше глупцы и уроды. Они могут сидеть спокойно и смотреть на борьбу других. Им не дано узнать торжество побед, но зато они избавлены от горечи поражений. Они живут так, как следовало бы жить всем нам, — без всяких треволнений, безмятежно, ко всему равнодушные. Они никого не губят и сами не гибнут от вражеской руки... Ты знатен и богат, Гарри, у меня есть интеллект и талант, как бы он ни был мал, у Дориана Грея — его красота. И за все эти дары богов мы расплатимся когда-нибудь, заплатим тяжкими страданиями.

— Дориана Грея? Ага, значит, вот как его зовут? — спросил лорд Генри, подходя к Холлуорду.

— Да. Я не хотел называть его имя...

— Но почему же?

— Как тебе объяснить... Когда я очень люблю кого-нибудь, я никогда никому не называю его имени. Это все равно что отдать другим какую-то частицу дорогого тебе человека. И знаешь — я стал скрытен, мне нравится иметь от людей тайны. Это, пожалуй, единственное, что может сделать для нас современную жизнь увлекательной и загадочной. Самая обыкновенная безделица приобретает удивительный интерес, как только начинаешь скрывать ее от людей. Уезжая из Лондона, я теперь никогда не говорю своим родственникам, куда еду. Скажи я им — и все удовольствие пропадет. Это смешная прихоть, согласен, но она каким-то образом вносит в мою жизнь изрядную долю романтики. Ты, конечно, скажешь, что это ужасно глупо?

— Нисколько, — возразил лорд Генри. — Нисколько, дорогой Бэзил! Ты забываешь, что я человек женатый, а в том и состоит единственная прелесть брака, что обоим сторонам неизбежно приходится изощряться во лжи. Я никогда не знаю, где моя жена, и моя жена не знает, чем занят я. При встречах, — а мы с ней иногда встречаемся, когда вместе обедаем в гостях или бываем с визитом у герцога, — мы с самым серьезным видом рассказываем друг другу всякие небылицы. Жена делает это гораздо лучше, чем я. Она никогда не запутается, а со мной это бывает постоянно. Впрочем, если ей случается меня уличить, она не сердится и не устраивает сцен. Иной раз мне это даже досадно. Но она только подшучивает надо мной.

— Терпеть не могу, когда ты в таком тоне говоришь о своей семейной жизни, Гарри, — сказал Бэзил Холлуорд, подходя к двери в сад. — Я уверен, что на самом деле ты прекрасный муж, но стыдишься своей добродетели. Удивительный ты человек! Никогда не говоришь ничего нравственного — и ни-

---
